

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СЕМАНТИЧЕСКОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ПРАВОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Е.В. Третьякович, канд. юрид. наук, начальник правового управления, магистрант
Мурманский арктический государственный университет
(Россия, г. Мурманск)

DOI: 10.24411/2500-1000-2019-11016

***Аннотация.** Данная статья посвящена актуальным вопросам понимания правовой коммуникации и семантической неопределенности в правовой коммуникации в рамках интегрального подхода. В статье описываются различные понятия термина «правовая коммуникация»; проводится соотношение правовой коммуникации и правового общения; рассматриваются функции правовой коммуникации; также обозначается структура акта правовой коммуникации. В статье раскрывается неоднозначная роль семантической неопределенности в правовой коммуникации.*

***Ключевые слова:** семантическая неопределенность; правовая коммуникация; правовое общение; правовая культура; неопределенность в праве; акт правовой коммуникации.*

Правовая коммуникация является одной из разновидностей исключительно многопланового и полисемичного термина «коммуникация». Вопросы понимания коммуникации уже рассматривались нами в статье «К вопросу о понятии и функциях коммуникации в современной лингвистике» [1].

Макушина Е.Б. справедливо рассматривает правовую коммуникацию в качестве феномена права и феномена общения; как интерактивный диалог между субъектами права, реализуемый при помощи языка и других знаковых систем. Правовая коммуникация, отмечает Макушина Е.Б., обеспечивает реальную связь между личностью и государством [2, с. 142].

В последние десятилетия в российской науке четко прослеживается тенденция к исследованию различных феноменов, в том числе правовых и лингвистических, с позиций интегративного подхода. Так, например, Поляков А.В. – известный российский ученый-правовед, разработавший авторскую коммуникативную теорию права, один из основоположников интегрального правопонимания, определяет правовую коммуникацию через правовое взаимодействие субъектов, которое возникает на основе социальной интерпретации правовых текстов, предоставляющих им коррелятивные правомочия и правообязанно-

сти, реализуемые в правовом поведении [3].

Как отмечает Архипов С.И., правовая коммуникация, в понимании Полякова А.В., опосредуется правовыми текстами. При этом правовые тексты представляют собой систему знаков, интерпретация которых создает определенный правовой смысл, направленный на регламентацию поведения субъектов через установление их юридических прав и обязанностей. Правовая коммуникация, по мнению ученого, предполагает не только уяснение смысла правового текста, но и признание его действительности с точки зрения правомерности и возникающей в связи с этим необходимости ему следовать [3].

Семантика термина «правовая коммуникация», обобщенно, может раскрываться и посредством другой дефиниции: как процесс передачи правовой информации между особыми коммуникантами: правотворцем и правоприменителем, который проходит в правовой сфере жизни общества.

В указанном случае структура акта правовой коммуникации, в понимании Любимова Н.А., состоит из следующих компонентов: правотворец (адресант) – сообщение, код, референция – контакт – адресат (правоприменитель) [4].

Адресант – это, как правило, государственные органы и органы местного само-

управления, в чью компетенцию входит нормотворческая деятельность. Адресатами также являются специальные субъекты (уполномоченные органы государства, должностные лица), которым надлежит применять нормативный правовой акт.

Под кодом понимается язык, используемый субъектами конкретного акта правовой коммуникации. Как точно подметили Скуднов С.М., Усманова Е.В., «для одинакового понимания правовой информации правовое сообщение подвергается процессу кодирования – оформлению документа в соответствии с установленным кодом, то есть правилами языка, на котором такое правило зафиксировано» [5]. Текст нормативного правового акта по своей стилистике должен быть официально-деловым, соответствовать требованиям различных нормативных документов (стандартов, правил, методик, условий и т.п.), а также требованиям законодательной техники.

Референция, как содержание сообщения (правовой нормы), обозначает, к какой отрасли (подотрасли) права соответствующая норма относится и какую группу общественных отношений она призвана регламентировать.

Контакт, как компонент акта правовой коммуникации, носит опосредованный характер, поскольку передача правовой информации осуществляется посредством использования языка при официальном опубликовании правовых актов (в случае, если такие акты подлежат опубликованию), причем адресат получает сообщение не напрямую от адресанта, а опосредованно: через источники официального опубликования нормативных правовых актов.

Применительно к нормотворчеству можно выделить два вида коммуникации:

– между субъектами нормотворческой деятельности в процессе подготовки нормативного правового акта;

– между обществом и органами власти в процессе применения нормативного правового акта.

Основная функция правовой коммуникации – информационно-коммуникативная – заключается в том, что язык, как основная форма представления правовой ин-

формации, обеспечивает взаимодействие правоприменителя и правотворца. Термин «правовое общение», являясь более узким по своему семантическому наполнению термином в сравнении с термином «правовая коммуникация», используется применительно к взаимодействию между людьми в правовой сфере жизни общества.

В условиях динамичного развития социально-экономических отношений в России и спровоцированной этим исключительной нормотворческой активности органов государственной власти и местного самоуправления значение законодательной (нормотворческой) техники сложно переоценить. Соблюдение ее требований позволяет обеспечивать надлежащее качество нормативного материала. Посредством законодательной техники обеспечивается воплощение политических решений в нормативную форму, перевод в нормативный текст системы регуляторов общественных отношений. Чем понятнее будет этот язык, тем меньше возникнет сложностей в процессе применения правовой нормы.

Правовая коммуникация, бесспорно, играет важнейшую роль в содержании правовой культуры, поэтому находится в центре пристального внимания ученых и практиков. Уровень правовой культуры в обществе свидетельствует о том, какие правила поведения воспринимаются гражданами в качестве нормы или желаемого результата, какие общественные убеждения и установки ценятся, а какие нет, насколько точно идеальная модель регламентации общественного отношения была реализована на практике.

Сущность коммуникативной функции правовой культуры заключается в качественном и эффективном обеспечении связей между субъектами правоотношений. Коммуникативность человека определена присущими ему как личности интеллектуальными и эмоциональными способностями, а также способностью формулировать свое внутреннее содержание в правовых текстах, предназначенных для передачи другим субъектам и составляет содержание коммуникативной функции правовой культуры [6].

Правовая информация, в идеальной модели правового регулирования, должна идентично пониматься всеми участниками акта правовой коммуникации (адресантами и адресатами). Обеспечение одинакового понимания смысла правовой информации правотворцем и правоприменителем является, в частности, одной из главных функций лингвистической экспертизы проектов нормативных правовых актов.

Бесспорным является утверждение Голева Н.Д., что юридические термины являются базовыми элементами правовой коммуникации и текста закона [7, с. 142]. Однако в процессе правовой коммуникации может проявиться семантическая (смысловая) неопределенность. В теории лингвистики отсутствует единый подход к пониманию указанного термина. Мы рассматриваем семантическую (смысловую) неопределенность как явление, которое проявляется в двусмысленности и расплывчатости значений тех или иных лексических единиц.

Применительно к юридическому тексту семантическая неопределенность представляет собой феномен, проявляющийся в полисемии, семантической размытости текста правовой нормы, что может затруднять правовую коммуникацию. Согласимся с Неустроевым К.С. в том, что семантическая неопределенность правовой нормы потенциально может создавать «контекстуальные условия» для «конфликтующих между собой интерпретаций одного и того же нормативного правила» [8, с. 115–116].

Как верно подмечено Бодровым Н.Ф., «использование неустоявшихся, двусмысленных терминов и категорий оценочного характера» в законодательной и правоприменительной практике рассматривается как дефект правовой нормы и, в узком смысле, как коррупциогенный фактор, способствующий совершению коррупциогенных правонарушений, маскирующихся за счет возможности избирательного применения или неприменения правовых

норм, отсутствия системы их реализации и др. [9].

Тем не менее, семантическую неопределенность не следует однозначно рассматривать как отрицательное явление, она может и способствовать правовой коммуникации. Заслуживает внимания утверждение Семиной И.А. что «в противовес традиционному взгляду на термин как на относительно точное обозначение специального понятия, все чаще звучит мысль о том, что такие требования к термину как фиксированность содержания, точность, отсутствие синонимов и пр., не всегда могут соблюдаться, и что данным лексемам также свойственна неопределенность значения. Более того, в последних исследованиях по терминологии настоятельно подчеркивается, что семантическая неопределенность является важнейшим свойством терминологических единиц, так как без него данные лексемы не могли бы становиться междисциплинарными и так легко адаптироваться к различным контекстам – от институционально профессиональных до персонально обыденных» [10, с. 186].

Таким образом, феномен смысловой (семантической) неопределенности в процессе правовой коммуникации играет неоднозначную роль. С одной стороны, многозначность (полисемия) и недостаточная конкретизация лексических единиц в текстах нормативных правовых актов препятствуют уяснению воли нормотворца, затрудняя тем самым процесс правового общения. В этом проявляется «негативная сторона роли». С другой стороны, семантическая неопределенность или вариативность правовой нормы обеспечивает ее гибкость и универсальность, наделяет правоприменителя определенной долей свободы в процессе интерпретации и применения правовой нормы, что, безусловно, способствует правовому взаимодействию и позволяет говорить о позитивных проявлениях рассматриваемого феномена.

Библиографический список

1. *Третьякович, Е. В.* К вопросу о понятии и функциях коммуникации в современной лингвистике [Текст] / Е. В. Третьякович // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук.* – 2019. – № 4-2. – С. 118–121.

2. Макушина, Е. Б. Правовая коммуникация как феномен права и общения [Текст] / Е. Б. Макушина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2004. – Т. 9, № 1. – С. 141–143.
3. Архипов, С. И. Коммуникативная теория права А. В. Полякова [Текст] / С. И. Архипов // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2016. – № 4. – С. 20–27.
4. Любимов, Н. А. Конституционное право России: лингвистический аспект [Текст] / Н. А. Любимов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002. – 26 с.
5. Скуднов, С. М., Усманова, Е. Ф. Юридическая техника в правовой коммуникации [Электронный ресурс] / С. М. Скуднов, Е. Ф. Усманова // Огарёв–Online. – 2014. – № 2. – Режим доступа: <http://journal.mrsu.ru/arts/yuridicheskaya-tekhnika-v-pravovojj-kommunikacii>. – Загл. с экрана.
6. Усманова, Е. Ф. Правовая культура сквозь призму теории коммуникации [Текст] / Е. Ф. Усманова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 5-2 (55). – С. 191–193.
7. Голев, Н. Д. Юридическая терминология в контексте доктринального толкования [Текст] / Н. Д. Голев // Сибирский филологический журнал. – №4. – 2015. – С. 138–148.
8. Неустроев, К. С. Феномен семантической неопределенности в юридическом тексте: контекст, прагматика, интерпретация [Текст] / К. С. Неустроев // Балтийский гуманитарный журнал. – 2018. – Т. 7, № 1 (22). – С. 113–116.
9. Бодров, Н. Ф. Юридикологическая неопределенность новаций современного законодательства [Текст] / Н. Ф. Бодров // Юрислингвистика. – 2011. – № 1 (11). – С. 21–26.
10. Семина, И. А. Широкозначность и семантическая неопределенность [Текст] / И. А. Семина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2009. – № 1 (3). – С. 185–190.

TOPICAL ISSUES OF SEMANTIC UNCERTAINTY IN LEGAL COMMUNICATION

E.V. Tretiakovich, *candidate of legal sciences, head of legal administration department, graduate student*

Murmansk arctic state university
(Russia, Murmansk)

Abstract. *This article is dedicated to the topical issues of understanding of legal communication and semantic uncertainty in legal communication in the framework of the integral approach. Various concepts of the term “legal communication” are described in this particular article. The author underlines the functions of the legal communication and correlates concepts of legal communication and legal conversation. The structure of the act of legal communication is indicated also. The ambiguous role of the phenomenon of semantic uncertainty in legal communication is analyzed in this article.*

Keywords: *semantic uncertainty; legal communication; legal culture; uncertainty in law; act of legal communication.*